

НА КИНОРЕЖИССЕРА он не похож. Те чаще всего держатся Наполеонами. Не только на съемочной площадке — в жизни. Слушают тебя, едва скрывая снисходительность, в своих речах дежурно вдохновенны и все норовят исподтишка покомандовать, будь то деловая беседа или мирное застолье.

Пока к нему не обратятся напрямую, Станислав Говорухин непроницаемо молчалив. Это и форма уважения (пожалуйста, выкладывайте ваши пустяки), и одновременно знак отстраненности (я в стороне, я в этом не участвую). Что-то уточнил мимоходомным вопросом — ого, значит, заинтересовался. Легко хмыкнул при беглой улыбке — оценил юмор. Впрочем, гораздо чаще способен безжалостно процедить: «Этот ваш анекдот получил третье место на конкурсе американских журналов в тридцать пятом году». Все. Предел саркастичности. Убил.

Есть еще профессиональный недуг кинорежиссеров, даже самых знаменитых, самых талантливых: они терпеть не могут разговоров о чужих фильмах. Так красавица искренне не понимает, как при ней можно хвалить других женщин. Самые вежливые и интеллигентные научились сдерживаться, другие вызубрили несколько бессодержательных фраз полупохвалы, лицемерием преодолевая невниманье. Да они и не смотрят их, эти фильмы других... Зачем?

Станислав Говорухин смотрит очень внимательно, помнит очень хорошо и твердо делит их на те, где есть цельность, есть культура постановки, есть хорошая фантазия и свобода, и на те, где бьют по глазам неоправданные претензии, наивное своеволие, невозможность или даже неже-

ны». А если на Малом Гнездиновском залезть в сотни, тысячи конвертов, посвященных «Десяти негрятям», вскоре придешь к прямо противоположному выводу: зритель весьма осторожен, он не прочь позабавиться и головоломкой, и погонями, и обманчивой интригой, вот только боль и смерть он отказывается принимать за чистую монету.

Есть ли какая-то ясность в том, как можно стать знаменитым?

«Старайся», — отвечает мне внутренний голос, вполне собирательный, металлического оттенка — порождение той механической догмы, что некогда всасывалась в нас с прекрасного детства в лучшей из стран мира. Кровавый миракль, темная азиатская деспотия, твердившая про себя, что она — воплощение вековых чаяний самого забитого человечества, — мы до школы, до детского сада уже входили в этот силок, приучаясь усмирять свой разум, чтобы он не спрашивал лишнего, и отлучать собственную мысль, если она подсказывает неправильный, опасный ответ. В 1953 году я был десятиклассником, это значит, что во мне сидит весь заряд патетического облучения. С этим зарядом мы были вполне яростные кандидаты в «сталин-югенд» и вполне реальные кандидаты в палачи. История, стремительно повернув, подсушила нам другое поле деятельности, другие истинно благородные задачи «оттепели», но энергия была от прежнего источника, от слепого натренированного идеализма.

«Старайся!» В глазах миллионов тебе шел зачет за твои трудовые или воинские, или научные заслуги перед государством. И портреты твои, в газетах или у проходной, были отражением того,

И было нечеловеческое, титаническое упорство, с которым он, бросив вызов судьбе, сооружал по камешку, по кирпичику — сначала фестиваль «Одесская альтернатива», а затем — международный фестиваль-карнавал «жанрового» кино «Золотой Дюк».

Между тем было трудное время. После «застоя» и «перестройки» затевалась как бы «передышка». В упоении от пятого съезда кинематографистов мы собирались перевернуть весь кинематографический мир, счастливые от того, что можно все сказать вслух и, значит, сложившаяся безумная система отступит, рухнет сама собой перед доводами разума и демократической процедурой голосования. К концу первого года энтузиазма все стали замечать, что оно — не всегда так, а иногда — так и совсем не так. То, глядишь, группа казенных душ и чиновников тайком, за закрытыми дверями, проводит свое собственное голосование якобы на всей демократической основе, то — еще похлеще — после публичного посрамления бюрократов надо, оказываясь, отправляться в некие высокие кабинеты и там повторять свои доводы, а их при всей разумности не раз и не два отклоняют, как торопливые, безо всяких иных оснований. Добавлю, что митинговать, хорошо ли, плохо ли, умеет каждый из нас, всосал с молоком матери, вынес из псевдореволюционных фильмов, а вот дело делать и, главное, доделывать — этому еще надо учиться и учиться.

У таких фанатиков, как Говорухин.

Потому что, конечно, все это было и у него. И прелестные вежливые отказы, как бы на всем демократическом основании. И хождения по бесконечным кабинетам. И лукавая, тонкая наука вовремя подключить товарища Б, чтобы вывести из игры товарища А, подготовив к его неизбежной жалобе товарища В. Те, кто видел Крымова в фильме «Асса», легко представят себе, как может действовать Говорухин, яростно и безоглядно, и в официальной, и в полуофициальной, и в «теневой» сфере, когда мысль-желание охватила его целиком...

Да-да, я именно это и хотел сказать, и не собираюсь брать свои слова обратно. Говорухин (в опоре на некоторые факты недавней истории) сыграл отечественного мафиози грандиозного масштаба. Сыграл как сильного человека, личность, со своей логикой поведения (логикой чистогана в обстоятельствах, потерявших, казалось, нравственные измерения), человека страшноватого, но не без горького обаяния. Кстати, именно сыграл, а не присутствовал в роли, — все ли знают, что наш режиссер первоначально покинул ВГИК с дипломом актера? Несмотря на бульварность фигуры, в его Крымове нет дешевой характерности, злодейской или гангстерской маски. Он прозрачен, Крымов, он взят исполнителем всерьез.

Почему же я вспомнил о Крымове и как раз в этом месте моих рассуждений? Потому что незабвенному графу Монте-Кристо удавалось бросить развращающую, растлевающую силу денег на благое дело мести и восстановления поправленной справедливости. Чтобы создать почти что голыми руками международный фестиваль, Говорухину потребовалась вся крымская освещенность о современном человеке с его этажами души и о нынешних производственных отношениях, связывающих учреждения и организации ничуть не меньше, чем в свою эпоху законы шарията и кровной мести.

Он не просто «убедил», «умолил», «уговорил» городские власти, он не просто «раскачал» полтора десятка невиданных у нас ранее «спонсоров», он не просто заинтриговал и зачаровал одесского зрителя, имеющего, говорят, через дом по видеоманитфону, да еще с таким контрабандным набором кассет!.. Он сделал больше, он убедил нас, что мы можем жить так, как нам хочется.

Поистине, если б его не было, его следовало бы придумать.

Сегодня в любой аудитории, от солидной университетской публики до трех старичков в кинотеатре на окраине, звучит один и тот же вопрос: «А где же шедевры, которые вы обещали?» Шедевры? Они на подходе, но, кстати, никто никогда их не обещал. Обещали — на пятом съезде — сделать все возможное, чтобы преградить дорогу «серым», то есть ровно никому не нужным, ни художнику, ни зрителю, ни студии, ни идеологии, картинам. Их и в самом деле стало меньше? А что должен прийти им на смену? Да вот это же, о чем постоянно речь, — доброкачественный, профессиональный, культурный, честный кассовый фильм. Вот в чем гвоздь вопроса. Так что, когда мы голосовали за Элема Климова, мы не знали, что полутно выводим на общественную орбиту Станислава Говорухина.

Он сам вывел себя, потому что не привык отворачиваться от «надо».

Рассказывают, что Владимир Высоцкий падал перед ним на колени: «Отпусти! Эту роль тебе сыграет любой! Ты же знаешь — мне жить осталось недолго!» Не отпустил. А то сегодня мы не имели бы главного достижения артиста на экране.

А вот другое «надо» настигло его в самом конце Одесского международного фестиваля. Журналисты, писатели, режиссеры, собравшись в Профессиональном клубе, приняли манифест в защиту перестройки, в предупреждение, что враги ее тоже перестраивают ряды и что промедление с энергичными мерами им, врагам, на пользу. Встал вопрос: зачитывать или не зачитывать текст на церемонии закрытия фестиваля? С одной стороны, к фестивальному итогу он прямого отношения не имеет, с другой, — почему же фестиваль не место, чтобы прозвучали хорошие, умные, смелые слова? «Отцы города» и «отцы области», приотставшие от столичного волномыслия, не советовали, настоятельно не советовали. И все колебались. Но запретительного приказа не было. Тогда встал Говорухин и отдал такой приказ.

«Схилял»? Уступил ранее данным обязательствам?

Думаю, нет. Просто понял, по-своему, что это — надо. Как Александр Невский, победитель шведов, пошел на унижение перед Ордой — только бы не двинулись на родной край.

Манифест многократно опубликован. Стены не обрушились, инфаркты не наблюдались. И я мысленно возвращаюсь к своим маечкам: «Уважаю Говорухина» и «Слава, ты не прав!»

Виктор ДЕМИН.

Фото В. Киселева.

люди ИСКУССТВА Случай Говорухина

лание соединить концы с концами. Впрочем, он не произносит этих красивых слов. Он говорит иначе. «есть» или «нет», «получилось» или «не получилось», где картину делал мастер, а где — дилетант.

Он альпинист — отсюда приверженность даже в мыслях опереться на прочное, несомненное, не делать шага без уверенности в предыдущем и не витать самоубийственно в воздухе.

Он многолетний поклонник и глубокий знаток шахмат. Отсюда рьяная убежденность в безграничных возможностях комбинаций изначально скромного набора фигур со стандартными свойствами.

А в совокупности это и есть искомая формула настоящего искусства: вполне определенного, по очень простым правилам, с массой знакомого или узнаваемого материала, но без тумана намеков, без многозначительной велеречивости, без поисков «того, не знаю чего»...

Он считает, что именно такого искусства жаждет зритель в самой широкой своей массе. Он, как видим, глубочайший демократ. Беда, однако, в том, что демократия не есть решение всех проблем отныне и навсегда — на место решенных она подбрасывает новые, не легче.

Мысль, что кинематограф заблудился, вызрела у Станислава Говорухина несколько лет. Помню, он принялся вдруг направо и налево задавать один и тот же вопрос:

— Разве это плохо, когда фильм смотрит много зрителей?

Ответ для него был однозначен, как в аксиоме. Для меня, как при неких математических действиях, тут было два ответа — ответ-плюс и ответ-минус. Он считал, что мы, стоящие на таких позициях, увиливаем.

— Разве это плохо, когда к кассе кинотеатра очередь?

— Не знаю. Может быть, хорошо, когда зритель увлечен настоящим шедевром. Но бывает, что его «купили» легковесным пустяком, да еще сделанным крайне примитивно, на грани пародии.

— И, значит, ему лучше бы не смотреть этот фильм, который ему нравится? А пойти посмотреть другой, который нравится вам?

Помню, мы, критики, крутили носом от «Пиратов XX века» и «Москва слезам не верит», — а ведь это были отечественные кассовые рекорды, под сто миллионов посещений. О подобном сегодня и не мечтаем! Сорок миллионов зрителей — и то воспримем как неожиданную удачу. По мысли Говорухина, это и есть настоящее кино — то, что имеет спрос, то, что реально циркулирует в обществе, то, что подзаряжает экономическую энергию аккумуляторы кинопроцесса. А поскольку фестивали — часть кинодела, то как раз эти достижения, эти рекорды кассового сбора и должны бы, по логике вещей, соревноваться друг с другом на международном арена.

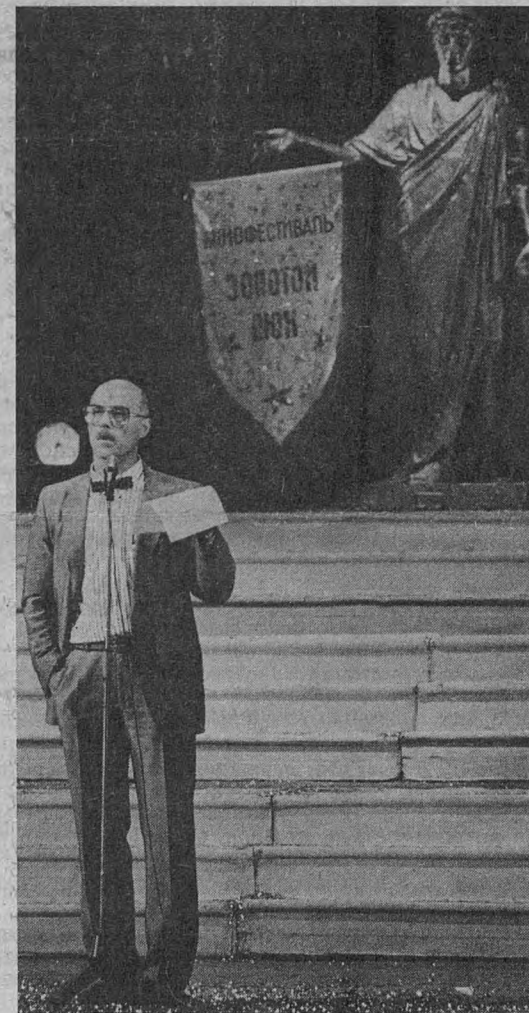
«Мне все равно, смотрят или не смотрят мою картину», — дерзко роняет талантливый новичок Иван Дыховичный. — Я как поэт творю для себя».

«Я бы хотел, чтобы каждый мой фильм смотрело как можно больше зрителей», — уточняет опытный Алексей Герман. — Но когда мне говорят, что «Лашина» посмотрели восемь миллионов... Восемь миллионов единомышленников или сочувствующих — это не так-то мало!»

Мужественный Говорухин умеет додумывать мысль до конца, даже если этот конец леденит его самого. Надо ли кормить того художника, чьи фильмы не смотрят?

Парадоксально, но характерно, что в эти же годы отношения самого Говорухина с его зрителем тоже становятся неоднозначными. Безусловный триумфатор приключенческого экрана периода «Места встречи изменить нельзя» он восхищает американскую критику пластикой «Приключений Тома Сойера».

Почитать письма, пришедшие в Останкино в связи с «Капитаном Грантом», — придешь к выводу, что зритель наш необыкновенно серьезен, что его смутили сама «подача» телесерий, четкое чередование географических приключений с уголовными или с какими-то иными, то есть условность, составляющая суть «жюль-верновщи-

Главного Портрета, который появлялся на каждой странице, на каждом углу гораздо чаще всех вас, вместе взятых, с трубкой, с доброй улыбкой под рождественскими усами, с отвернутой полкой шинели, чтобы мы полюбовались алой подкладкой. Конечно, есть бог и есть апостолы, но все это были картинки принципиально из одного иконостаза: недаром его называли лучшим другом физкультурников и языковедов, а их — сталинскими соколами, сталинской смелой, сталинскими орлятами.

Так не могло продолжаться вечно. При Брежнев любой официальной знаменитости сильно вредило в общих глазах, что она — официальная. Появились антиофициальные знаменитости — они, Александр Галич или Владимир Высоцкий, вызывали куда больший интерес. Первое следствие расширения гласности привело к тому, что официальная сфера, скомпрометированная кураторством бюрократов, значительно сузилась, и вчерашние «неофициалы» или даже «нелегалы» оказались на гребне общественной жизни.

Сегодня Станислав Говорухин — там, среди этих первостатейных фигур.

Мы, прильнувшие к телевизору, видели, как в Одессе, на рейде, на корабле у борта вели беседу весьма уважаемые люди. На одном была майка с надписью: «Я люблю Говорухина», на другом: «Я жалею Говорухина». Я с удовольствием разжился бы двумя аналогичными, для пляжа. Сегодня я носил бы: «Уважаю Говорухина», завтра — «Слава, ты не прав!».

Он не прав, но он победил. Дважды. Была истовая, немислимая серьезность, с какой он собирал в двух статьях мельчайшие черты нашего холуйства перед иностранным и иностранщиной, в двух других — боролся за доброе имя своего старого знакомого, оплеванного и почти что втопанного в грязь, как еще в одной провел нас по любимой Одессе и показал, насколько хрупок и непрочен этот город, брошенный, кажется, своим начальством полностью на произвол судьбы.